

Среди книг

Издано
в СССР

ГОРЯЧИХ БУДНЕЙ ТОРЖЕСТВО...

«Из современной поэзии ГДР. Вып. 2». Составление и предисловие Б. Хлебникова, Москва, «Радуга», 1986.

Сборник «Из современной поэзии ГДР» объединил очень разных мастеров, в произведениях которых тем не менее выражена общая тенденция «личностной аутентичности». Это понятие ввела в литературу в середине 60-х годов Криста Вольф. В поэзии термин подхватил Иоганнес Бобровский. Процесс субъективизации литературы, встреченный критикой поначалу неодобрительно, оказался явлением определяющим для ГДР (и других социалистических стран). Время лозунгов, стихотворений-призывов, образов-примеров кончилось. Пришла пора самооценки, определения своего места в происходящем общественном развитии. На первый план выдвигается скрупулезное исследование личности. Граница между литературным героем и автором нередко исчезает.

Открывает антологию Вильгельм Ткачик, литературная судьба которого драматична. Его первую книгу уничтожили фашисты, рукописи погибли во время войны. В 50-е годы поэту пришлось заново привыкать к творчеству: «Круг одиночества нарушен, / Тебя берут другие в круг...» Его поэзия — классическая по ритму, интонации, бережному обращению со словом.

Может быть, именно благодаря этому обстоятельству она обрела такое современное звучание: строительство новой жизни захватило Ткачика. Он больше не чувствует себя «несостоявшимся»:

Великий план, живое пламя,
Горячих будней торжество

Тебе протягивают знамя,
Как гордо ты несешь его!

(«После преодоления ударов».
Перевод О. Николаевской)

Лучшие стихотворения Вильгельм Ткачик написал, будучи уже в преклонном возрасте, поэтому в них часто можно встретить тему прощания с жизнью, подведения итогов. Однако до последнего дня он не сойдет «с неистового круга в поисках покоя и досуга». Совсем незадолго до смерти будут написаны им жизнеутверждающие строки:

И место в жизни до конца
искать готовый снова
еще я посох для хромца
и око для слепого.

(«Место в жизни». Перевод А. Солянова)

Главная проблема для Вальтера Вернера — экология, по Вернеру, — не просто совокупность благоприятных физических условий существования человека, а сложная нравственная категория. Снова и снова приглашает поэт своих читателей «начать прогулки, наши походы / по запросам самой природы». Он находит удивительно емкие и точные метафоры и образы, придающие обыденным, «апоэтичным» сюжетам художественность и глубокое философское наполнение. Вот жук — «хрустящее сердце леса», вот лист дерева — «последнее слово на сжатых губах», вот рыба — «серебристый мускул потока». Описание повседневного труда деревенского садовника превращается в «маленькую историю сотворения мира»:

...Он прорывает в земле
русла для светонада.
Он собирает дождь
в заброшенные колодцы —
и собирает солнце!

(«Деревенский садовник».
Перевод В. Леванского)

О необходимости сохранить землю «веселой и чистой» говорит Вернер в стихотворении «Окружающая среда», в котором картина «беспамятного и равнодушного» наступления технической цивилизации (пусть даже в виде тракторов) приобретает характер апокалипсического предупреждения:

...Зубец цепляется за зубец,
трещит в ушах, выворачивает кишки,

мороз по коже.
Леденеют перелески.
Яблоки падают и гниют.
Земля спасается бегством — деревья
срываются с корней
и улетают.

(Перевод О. Татариновой)

Большое значение Вернер придает ритмической структуре стиха. Он свободно владеет и мелодикой тюрингского фольклора, и верлибром, с безукоризненным чутьем выбирая ту форму, что придаст высказыванию наибольшую выразительность.

Читая Эву Штриттматтер, не задумываешься над вопросами мастерства, может быть, потому, что и сама она, по-видимому, не придает им большого значения. Ее искренность, «простая тишина», безыскусственность — не только свойство мышления, но и жизненный принцип. Поэтесса не выносит снобизма и умствования в искусстве. Она не отделяет себя высокомерным эстетством от тех, чьи корни ощущает в себе:

Но в разговоре с вами
Могу ли не быть простою?
Одних дарить стихами,
А прочих слепотою?
Пусть лучше скажут люди
Из моего селения:
Так было и так будет,
И мы того же мнения.

(«Как я пишу». Перевод Е. Гулыги)

Потребность во взаимопонимании у Штриттматтер не ограничивается общением с близкими. С ней в родстве весь мир. Она обращается к травам и птицам, лугам и пашням. И как естественно переплетается с темой природы тема женственности, материнства! «Девочка по имени Эва» — так называет себя она в стихотворении «Воспоминание о счастье». В этом совпадении прекрасного древнего символа с реальной личностью, наверное, и есть ключ к восприятию поэзии Штриттматтер. Творчество Манфреда Штройбеля и Хайнца Чеховского находится еще в становлении, и, очевидно, поэтому составитель отступает от хронологического построения сборника. Какие бы то ни было классификационные рамки для них преждевременны.

Манфред Штройбель — поэт очень неоднозначный. Он может смотреть на мир «детским зрением», весело и легко создавая изящные миниатюры. А рядом с ними — нагромождение сюрреалистических картин страха, смерти, отчаяния. Память о войне, ступок которой мы находим в стихотворении-аллегии «За ночью ночь», рождает тему бегства, как часто встречающуюся у поэта, и все же ответственность за «новый мир» заставляет его возвращаться к жизни, к борьбе, снова «землю брать на плечи» («Атлант»). Дается это возвращение нелегко: «Трудней всего на свете / Сломить себя в себе». Однако в последнее время поэзия Штройбеля стала спокойнее, умиротвореннее. Все чаще он обращается к форме сонета, позволяющей исследовать явления в противоречивости и тут же сделать необходимый вывод. Оптимизм его силен и рождает веру в будущее:

Не искромсан в лазарете,
в перестрелке не убит —
над руинами столетий
человек живой стоит.

(«Музыка будущего».
Перевод Е. Витковского)

Хайнц Чеховский — прежде всего художник. Он тоскует по инструменту, соединившему бы кисть и слово:

Поэзия — трудное дело. О чем
мне должно писать? О деревьях
на косягах? О нежных
линиях дальних холмов?
О коротком дыханье пейзажа? О, как
я хотел бы об этом писать!

(«Прогулка по городу».
Перевод И. Большевой)

Но и не обладая таким инструментом, поэт создает многокрасочную словесную живопись. Его любование деталью приводит на память натюрморт в духе голландских мастеров («Карпы») или типичную жанровую картину («Две женщины»).

Очень пластичны интонации Чеховского. Он пишет о мостах над Сеной — и вспоминается Шарль Бодлер. Он пишет о Есенине — и так явственно начинает звучать голос русской поэзии. Это не подражательность, а умение и знание. Самые незначительные бытовые наблюдения часто вызывают у него сложные литературно-исторические ассоциации. Мифологические образы (Ниобея, Прометей, сивиллы) сменяются портретами великих мастеров (Данте, Гёте, Гельдерлин). Но такая смысловая насыщенность всегда обоснованна. Мысль подкреплена целым пластом культуры с его определенной стилистикой.

Конечно, представленные в сборнике авторы не исчерпывают многообразия поэзии ГДР. Каждый год появляются имена, достойные новой антологии. Какой она будет, пока сложно сказать. Возможно, мы услышим голоса совсем молодых, тех, кому предстоит вписать свое имя в историю литературы третьего тысячелетия.

М. ЗАСЛАВСКАЯ

«БРЕМЯ НЕСТЕРПИМЫХ МУК ЮНОСТИ»

Маргарет Этвуд. Постыжение. Сборник. Составитель и автор предисловия Н. Пальцев. Москва, «Радуга», 1985.

«...Я лишь благодарю судьбу, что, кажется, навсегда сбросила с себя бремя нестерпимых мук юности», — думает безымянная героиня рассказа «Украшения из волос» известной канадской писательницы (а также поэтессы и критика) Маргарет Этвуд. Увы, героиня ошибалась, муки юности стали органичной частью ее жизни. Более того, утратив «метафизический» налет, трансформировавшись в реальные переживания, они оказались своеобразным индикатором ее подлинной духовной зрелости.

Роман «Постыжение», как и большая часть рассказов, включенных в книгу, вторично знакомящей советского читателя с творчеством М. Этвуд¹, — произведение о юности, «нестерпимых муках» самопозна-

¹ «Лакомый кусочек» (1969). М. «Художественная литература», 1980.